

УДК 94(476) «15/16»

Н.Н. Алексейчикова

ВДОВСТВО В БЕЛОРУССКИХ ГОРОДАХ В XVI–XVIII вв. (ПО МАТЕРИАЛАМ АКТОВЫХ КНИГ МОГИЛЕВСКОГО МАГИСТАРТА)

Статья посвящена проблеме вдовства в XVI–XVIII вв. В ней рассматриваются права и обязанности горожан, которые последние приобретали в связи с изменением их семейного статуса; показывается особенности положения вдовы-горожанки по сравнению с вдовцом. Кроме того, в статье охарактеризована экономическая деятельность вдов-горожанок, выявлены различия в положении данной категории жителей городов с другими группами женского населения. Уделяется внимание демографическим аспектам данной проблемы. В статье на основе анализа актовых книг Могилевского магистрата предпринята попытка установить количество вдовствующих горожан в XVI–XVIII вв. в Могилеве, а также определить соотношение вдов и вдовцов, выяснить отношение горожан к данному социальному статусу и продолжительность пребывания в нем.

Введение

Матримониальное поведение жителей белорусских городов в XVI–XVIII вв. является одной из актуальных проблем отечественной исторической науки. История повседневности в последнее время привлекает внимание отечественных исследователей. История семьи, ее формирование, эволюция и жизнедеятельность не входила до недавнего времени в круг проблем, рассматриваемых белорусскими исследователями. И только в последнее время начали предприниматься первые шаги для восполнения имеющегося пробела в отечественной исторической науке. Появились первые работы, отражающие правовой аспект семейных взаимоотношений в XVI–XVIII вв. [8; 16]. Имеется ряд публикаций, затрагивающих отдельные аспекты матримониальности горожан [2; 5, с. 199–279; 12, с. 256–282; 13, с. 99–103]. Однако это лишь малые крохи, не дающие нам целостного представления об истории семей белорусских горожан. Для восстановления целостной картины матримониальности горожан в период необходимо рассмотреть целый круг вопросов.

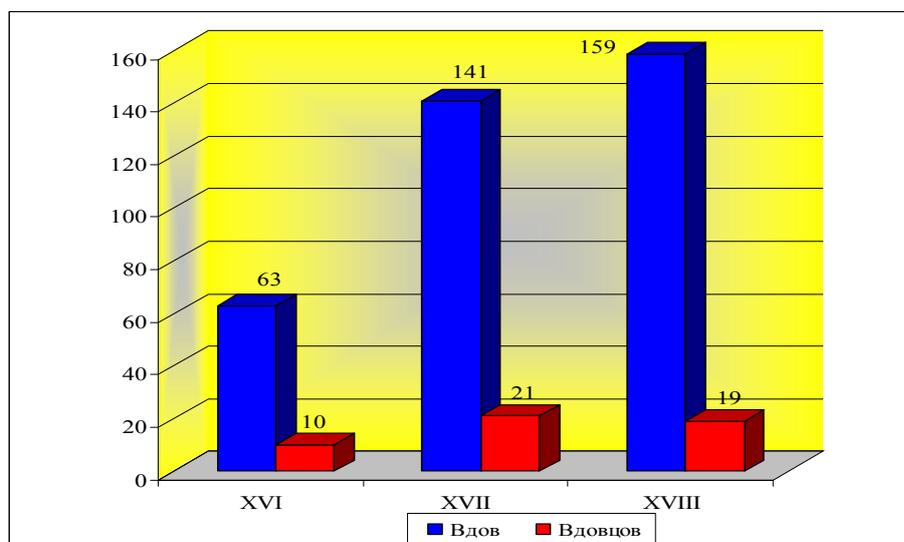
На протяжении XVI–XVIII вв. белорусские земли неоднократно становились ареной военных действий, приносивших разорение и смерть [6, с. 57, 370–378]. Не меньшим бедствием становились для жителей Великого княжества Литовского эпидемии и голод, являвшиеся следствием военных лихолетий и низкого уровня гигиены [7, с. 41–143; 17, с. 131–143; 20, с. 81–83]. Это не могло не отразиться на семейной жизни жителей Беларуси в целом, и горожан в частности. В рассматриваемый период вдовствующие горожане составляли значительный пласт городского населения. Изучению положения, прав, обязанностей вдовствующих горожан и будет посвящена данная статья. Будут также рассмотрены некоторые аспекты демографических процессов, позволяющие составить более полное представление о данной категории городского населения.

Вдовство в городах Беларуси в XVI–XVIII вв. (по материалам актовых книг Могилевского магистрата)

В рассматриваемое время в Беларуси наблюдается высокий уровень смертности, связанный как с многочисленными войнами, так и с сопровождавшими их голодом и эпидемиями. Военные действия 1648–1667 гг. привели к тому, что в 1649, 1650 и 1655 гг. часть жителей Великого княжества Литовского умерла от голода, другая же была вынуждена искать себе пропитания в другом месте: *«poddani z glodu poumierali, a*

*inne z domów swoich, że nie mieli siebie w domach żywić precz rozeszli...»*¹ [20, s. 81]. Немало смертей принесла и волна эпидемий, опустошившая белорусские земли. В 1653 г. разразилась эпидемия в Брестском, Пинском, Речицком и Мозырском поветах, в 1654 г. – в Минском повете, в 1661 г. – в Шкловском повете. В результате умерло 10 804 взрослых мужчины [20, s. 82–83]. Изучение актов книг Могилевского магистрата позволило установить 413 вдовствующих горожан. Причем количество вдов значительно превышало количество вдовцов: было выявлено 50 вдовцов и 363 вдовы, что составляло 12,1% и 87,9% соответственно от общего количества вдовствующих горожан [1, Приложение Ж 6, л. 153–171].

Диаграмма 1 – Вдовствующие могилевчане в XVI–XVIII вв. (по материалам актов книг Могилевского магистрата)

Однако следует учитывать, что приводимые нами данные цифры, характеризующие количество вдовствующих горожан не в полной мере отражают реалии жизни. Дело в том, что, с одной стороны, в актовых книгах не всегда удается установить семейный статус мужчины, в то время как в отношении женщины это сделать значительно легче, с другой – сложно судить и о точном количестве вдов-горожанок, поскольку в актовых книгах зафиксированы только случаи, когда последние выступали в городском суде, отстаивая свои интересы или интересы своих родных или выступая в качестве ответчиков.

Так что же представляло из себя положение вдовы (вдовца) в XVI–XVIII вв.? Какими правами и обязанностями обладала данная категория горожан? В рассматриваемый период вдова-горожанка могла быть довольно самостоятельной женщиной в экономическом плане, хотя в соответствии с законодательством должна находиться под опекой мужчины [19, s. 53]. Следуя данной норме, многие горожане назначали опекунов для своих жен при составлении завещания. Так 27 августа 1577 г. поступил могилевский мещанин Данило Мишкович, назначив в качестве опекунов для жены Татьяны своих шуринов: «*А ей самой (Татьяне Овсеевне – А.Н.) (...)* опекунами ихъ (Иван и Федор Овсеевичи, шурины – А.Н.) *вчинилъ...*» [11, с. 139].

Материальное положение вдовы-горожанки во многом зависело от того, записал ли ей ее покойный супруг вено: «*Дешко Санковичъ (...)* *такий тестамент учинил, иж напервей учтивой Варушы Лукиновне, малжонце своей милой для ей против себе у-*

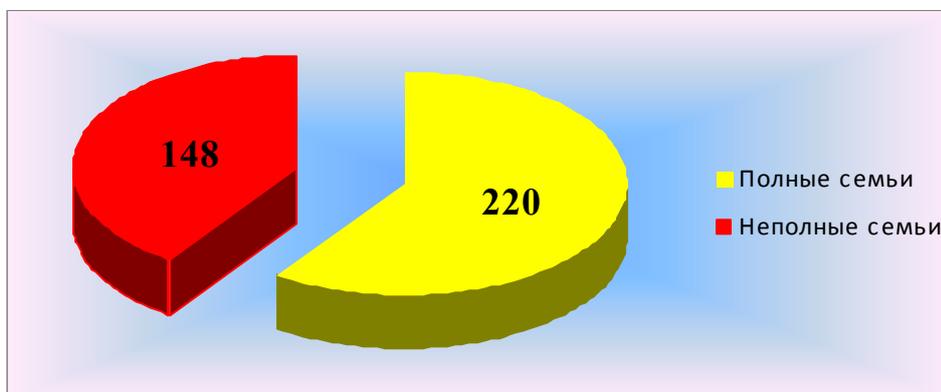
¹ Подданные от голода умерли, а другие из-за отсутствия возможности прокормить себя покинули свои дома. Перев. с польск.

реймой веры и зычливости услугованья, отдал двадцат коп гр(о)шей вена, которые гр(о)шы ей в товаре своемъ указаль...» [4, с. 564–565]. Дело в том, что после смерти супруга женщине возвращалось ее приданое: «Макрида Богдановна <...> чынила сознание о томъ, иж што позывала перед священника Тишка Вознесенского присуду его тощу свою Порасью Санковую о унесенье свое, же по смерти мужа моего оног(о) унесенья отдать не хотела, за которое унесенье мое она, теца моя Порася, мене копою гр(о)шей поеднала и досыт за все учынила, которое досыть учыненье свое от нее взявши, квитую и волным чыню...» [4, с. 491]. Однако к этому времени «внесение» могло быть растрчено, как это произошло с приданым Ульяны Процковны, жены могилевского мещанина Клишко: «А што колвекъ узял был по жоне своей од тестя своего – напервей тры краковки жита, а саянь сукна люнского чорного, сукман сукна ческого а шлейку якъсамиту чорного с перлы, тую шлейку продал он на свою потребу, чепецъ шолку чирвоного – и тот продалъ за гр(о)ши дватцат. А иж оног унесеня ее иншия речи продалъ на свою потребу...» [4, с. 75]. Таким образом, вено играло роль гаранта материального благополучия вдовы. Вену придавалась большое значение. Об этом свидетельствует тот факт, что муж не имел права продавать то имение, на котором записал своей жене вено, не осуществив соответствующей замены [19, s. 235].

В том случае, если муж не записал жене вена, то она не имела права на него претендовать. Тогда будущность бездетной вдовы, а также вдовы, у которой были совершеннолетние дети, обеспечивалась «вдовым стольцем», то есть за женщиной сохранялась часть имущества мужа в качестве пожизненного содержания: «Клишко <...> таковы тестаментъ учинилъ <...> по смерти его, поки жона замужъ не поидет, тогды волно ей будеть у дому поспол з детми теперешними и потомъ прыбудучимъ мешкать» [4, с. 74–75]. Как видим, вдова пользовалась этим имуществом либо до своей смерти, либо до тех пор, пока не вступала в повторный брак. Она не приобретала права собственности на данный вид имущества, в связи с чем ее права на распоряжение данным имуществом были ограничены: «Мещанин государьсткий Могилевский Аврамъ Гридковичъ жаловал на мещанина Могилевского Нестера Андреевича о томъ, штож дей тот Нестер домъ мой отцовский <...> нетъ ведома по чому держить, а мне его поступит не хочет. Нестер на то тыми словы поведил: Ia дей тот двор не згола держу, але за листомъ купчимъ невестьки его Овдоти Овдеевое Грыдковича <...> А так iак врад <...> бачечи то, иж тая Овдеевая Овдотя мешкаючи у в ономъ дому на вдовьемъ столцы, зваца без потомства, не мела моцы продавати оног дому вечностью никому, который продала. С тых причин <...> Аврама Гридковича при оном дому его зоставити...» [4, с. 86–87]. Как видим, вдовствующая горожанка не имела права по своему усмотрению продавать данный вид собственности.

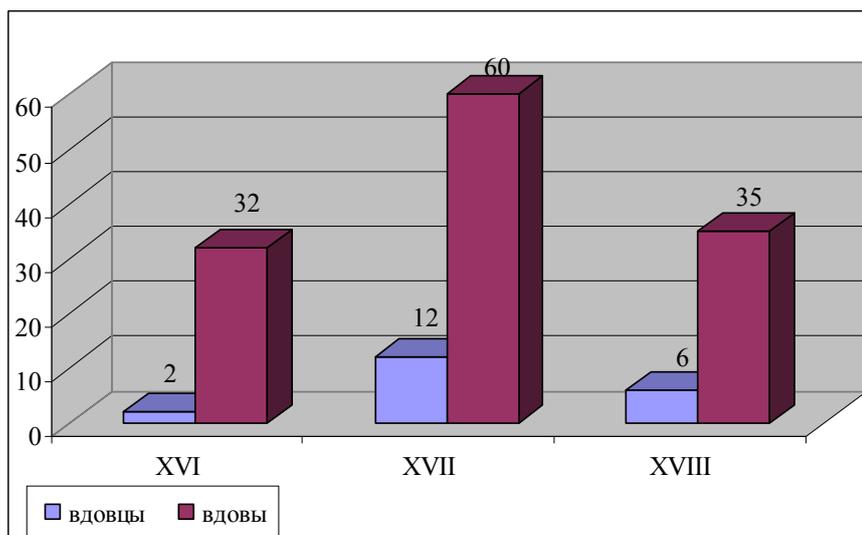
Таким образом, положение вдовы-горожанки зависело от наличия у нее несовершеннолетних детей. Следует отметить, что в рассматриваемый период количество неполных семей было весьма значительным. По подсчетам автора, вдовствующие горожане (вдовы и вдовцы), имеющие на попечении несовершеннолетних детей, составляли 67,2% от общего числа установленных полных семей, к числу которых относятся также бывшие вдовы и вдовцы, вступившие в повторный брак (диаграмма 2).

Диаграмма 2 – Соотношение вдовствующих горожан, у которых на попечении остались несовершеннолетние дети, с полными семьями [1, Приложения Б.1.2, Б.1.3, Б.1.4, Б.1.7, Б.2, л. 29–49, 52–54].

Причем число вдов, занимающихся воспитанием несовершеннолетних детей, преобладало над числом вдовцов. Так, если на вдовцов приходится только 13,5% (20 человек), то вдовствующие горожанки, воспитывавшие несовершеннолетних детей, составляли 84,5% (128 человек) [1, Приложение Б.1.6, л.50].

Диаграмма 3 – Соотношение вдов и вдовцов, воспитывающих несовершеннолетних детей.

В этом случае женщина как опекун «управляла» имуществом умершего супруга до совершеннолетия детей. Таким же было положение и вдовствующей горожанки, если она была беременна: могла жить и пользоваться всем имуществом мужа, так как она в случае смерти новорожденного ребенка становилась наследницей всего этого имущества. Забота о ней и будущем ребенке так же, как если бы он уже родился, возлагалась на плечи опекуна или наследника. Это было обусловлено тем, что ребенок в это время живет за счет матери, а потому и мать могла жить за счет средств, которые впоследствии отводились бы на содержание ребенка [19, s. 244]. Не менялась ситуация для женщины и в том случае, если ребенок умирал: *«Ивашько Васковичъ Дробышевичъ, мещанинъ Могилевски, жаловал на невестьку свою Котушу о томъ, штож дей она по смерти брата моего Юшка, которы умеръ на дорозе <...> у месте Луцьскомъ и тамъ, будучи вжо хори, волю свою остаточную на тестаменте описал, што се вжо водлугъ*

опису на ономъ тестаменте все выполнилося, нижли што были дети небощиковские недорослые остали, тогда я для тых детей учинилемъ былъ постановенъе з невестьюкою, же ей волно было мешкать при детяхъ в ономъ дому брата моего до леть зуполныхъ детинныхъ; нижли теперь дети небощика брата моего померли, а она за иншого мужа пошла и тотъ домъ у своемъ держанью и теперь мает, которого мне, яко близкосты по брате моемъ, поступити не хочеть. А сторона отпорная Котуша через мужа своего Андрея Отрошъковича, <...> просила, абы былъ чистанъ тестаментъ небощиковски и примимъ захована была. Которы на уряде покладанъ былъ <...> у которомъ тестаменте пишеть о маетности своей, полецаяючи товаришомъ своимъ в моцъ, иж бы тотъ товаръ в целости до Могилева довели и тамъ его отдали в руки брату его Ивашку, жебы теж он долги небощиковские поплатилъ, а иншия речи, товаръ и грши готовые жоне и детемъ тое отдали <...> А урядъ, выслушавши жалобъ и отпору сторонъ и добре на то намыслившисе и Статутомъ порадовившисе права майдабурского, где пише о спаткохъ в поратку в листе второмъ, где бы жона позостала по мужу, а дети ей зошли без плоду, а матка их переживеть, тогда ништо ины не беретъ по ихъ спатку в деичномъ именью, одно матка <...> с тыхъ причинъ урядъ, видечи быт ея блишишую того дому и пляцу <...> зоставуючи в целости право ея и постановенъе, што з нимъ мела. Тотъ домъ и пляцъ <...> иж вжо ей волно будетъ учтывой Котуши от сего часу и дня водле доброй воли ея тымъ домою и пляцомъ шафовати и вечъне кому хотя оддати, продати, даровати и ку налепшому повитку и своему обернути такъ, яко сама налепей похочеть...» [4, с. 77–78]. Это было обусловлено тем, что в случае смерти ребенка она, как мать, наследовала за своим ребенком.

В XVI–XVIII вв. горожанки нередко становились наследницами своих мужей. В этом случае они приобретали ряд прав и обязанностей, в соответствии с которыми они:

1. **Взыскивали долги** с должников своего супруга: «Мещанка Могилевска(я) Адаря Гритковая Ивановича <...> жаловала на учтывого Пантелея Даниловича <...> иж онъ водлугъ листу и запису своего, которы дей дал был небощичу мужу моему Гритку Ивановичу на две копе гр(о)ши, которыхъ позычил у небощика, якож небощикъ, зсходечи сего света, вжо на остаточной воли своей отписалъ тестаментомъ своимъ на томъ кликуне копу гр(о)ши, а другую ему отпустил, якожъ и листъ поклала перед урядомъ тог(о) кликуна на две копы даны позычонымъ обычаемъ у небощика мужа ея...» [4, с. 66–67];

2. **Выплачивали долги своего покойного мужа:** «Явгиня, мещанка Могилевска(я) <...> сознала <...> иж маючи пилну потребу выплачивати долги небощича мужа своего Овтуха, продаламъ комору на риньку в месте Могилевскомъ <...> которая мне дей досталася по небощичу мужу моемъ...» [4, с. 35];

3. **Получали долю в военной добыче своего усопшего супруга, если он погиб во время военного похода:** «Маланя, жона позосталая небожчыка Санка, а Вася, позосталая теж жона Андрея, жаловали через приятелей и опекунов своих <...> на учтывого Парфена о томъ, иж онъ, Парфен, будучы в одномъ товаришестве за границую Московскою под Рославлемъ, нижли тамъ мужов н(а)шыхъ побило, а добычи части, что на нихъ прийдет, оддати намъ не хочет и у себе ея ховаеть...» [4, с. 382];

4. **Распоряжались полученным имуществом по своему усмотрению:** «Евдокия Прекотиха <...> сознание свое до Актов места могилевского учинила, что продала пляц с домою <...> себе по малжонку своимъ спадковымъ правомъ принадлежащий...» [11, л. 129].

В рассматриваемое время вдовы-горожанки обладали большей свободой действий, чем другие женщины. Они участвовали в сделках, касающихся недвижимости, а также различных видах коммерческой деятельности.

1. **Выступали в качестве кредиторов:** «Авдотя Гордеевна позосталая жена небожчыка Ероша <...> жаловала через приятеля и опекуна з уряду приданого <...> на учтывого Федка Санковича, мещанина Могилевског(о), о томъ ижъ он остал винен на цырокграѡъ свой коп три гр(о)шей под певными варунками и обликгацьями, в томъ цырокграѡе его описанными, которые мел отдат в року семьдесят осмом на страстной недели, нижли рокъ давно минул, а мне тых грошей отдати не хочет...» [4, с. 395–396]. В качестве кредиторов в рассматриваемое время выступали не только вдовы, но и замужние горожанки [3].

2. **Выступали в качестве поручителей:** «...Марина Жидкая жаловала через приятеля и опекуна з уряду приданого <...> на Богдана Кузминича о том, иж коли он наймывалъ дому у Каменицког(о) и с товаришомъ своим з Войтехомъ Гировичомъ Головчынцомъ на мешканье свое, то пакъ я по них Каменицкому ручыла...» [4, с. 369].

3. **Выступали в качестве арендаторов:** «Анна Олтухова, мещанка Могилевска(я), жаловала и оповедала на учтывого Семена Паишковича, мещанина Могилевског(о), иж дей он по смерти небожчыка мужа моего Олтуха позучыл у мене на подержанье до часу в рынку тут в месте Могилевскомъ в реду коморы...» [4, с. 33].

4. **Содержали питейные заведения:** «...Марина жаловала через приятеля и опекуна своего <...> на учтывого Карпа Озаровича, подскарбега, о томъ, иж онъ у мене попил меду за петдесят без трех гр(о)шей, которых отдати не хочет...» [4, с. 340]. Питейные заведения содержали не только вдовствующие горожанки, но и замужние женщины [3].

5. **Участвовали в сделках по купле–продаже:** «Катарина Гапонова Обаневича, мещанка Могилевска(я), сама по своей доброй воли <...> чынила сознанье тыми словы, иж што се досталъ был по небожчыку мужу моемъ Гапоне Обаневичу моркгъ сеножатный <...> тотъ моркгъ <...> пустила и продала учтывому Радку, Опанасу а Исааку Тяхтовичом...» [4, с. 462]; «Кузма Шилковец, мещанин Могилевский, самъ по своей доброй воли, ани з яког(о) принушена албо намов, яснее в голос тыми словы вызнал и так перед нами поведил, иж продал есми обел вечне опартной Ганни Михайловне Семеновой Волковой, мещанце Могилевской, пляц и городу трутов семь...» [4, с. 363]. Замужние горожанки имели право принимать участие в сделках только по купле движимого имущества [3], в то время как вдовы продавали и недвижимость. Иная ситуация обстояла со сделками по продаже недвижимого имущества. Здесь обе категории женщин довольно активно принимали участие в таких рода сделок. В то же время анализ актовых книг Могилевского магистрата показал, что вдовствующие горожанки чаще заключали сделки по продаже недвижимых объектов, чем замужние женщины. Так, если за рассматриваемый период только 18 замужних могилевчанок участвовали в данного рода сделках, то число вдов составило 42 [1, Приложения Г1–Г2 л. 61–68].

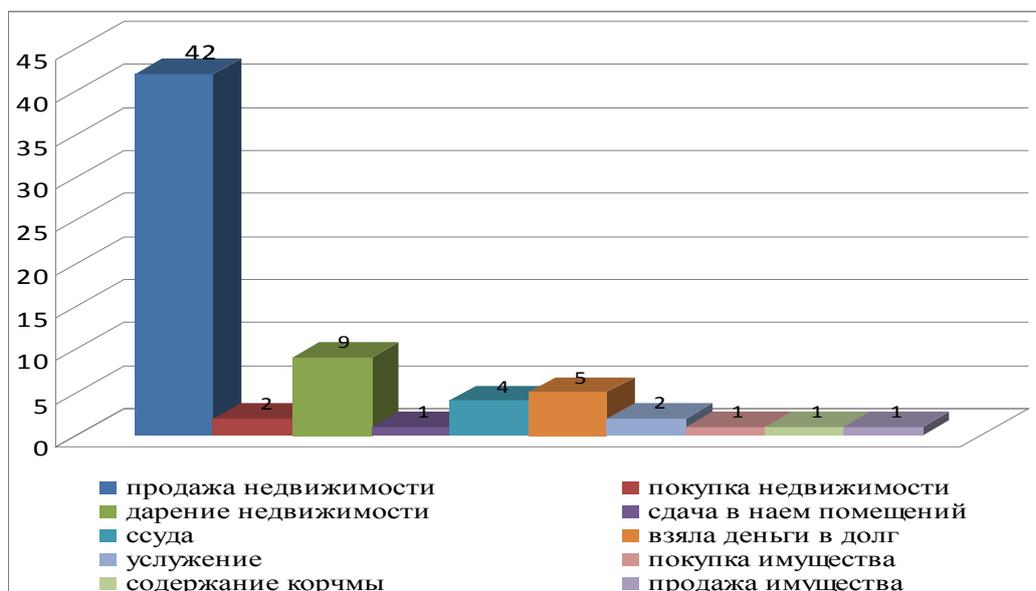
6. **Выступали в качестве дарителя:** «Ирина Борисовна Полуянова Соленкова вдова <...> созданье свое добровольное до акт места могилевского теми словами учинила, что имеет пляц с огородом <...> который с милости своей материанской сыну своему пану Леону Полуяновичу <...> дала даровала...» [15, л. 755]. Анализ актовых книг Могилевского магистрата показал, что данного вида «договора» заключались исключительно вдовствующими горожанками, замужние женщины подобные документы не оформляли [3].

7. **Нанимались в услужение:** «Федор Ивановичъ Оршаница, пришедъиши до насъ, уряду, скаржил на Любу Юзефовую, жидовку и на сестру его, Д(у)ню Ивановну, которая у нее летъ десять служила...» [10, с. 372]. Актовые книги Могилевского магистрата позволили установить, что в XVI–XVIII вв. в услужение нанимались либо вдовствующие горожанки, либо девушки, не состоящие в браке [1, Приложения Г1–Г2 л. 61–68].

Анализ актовых книг Могилевского магистрата показал, что наиболее распространенным видом экономической деятельности вдовствующих горожанок были сдел-

ки по купле–продаже недвижимого имущества: на их долю приходится 61,8% от общего количества различного рода сделок. Довольно значительным было количество договоров, касающихся дарения имущества, на их долю приходится 13,2% от общего числа сделок, заключенных вдовами-горожанками [1, Приложения Г1–Г2 л. 61–68].

Диаграмма 4 – Виды коммерческих сделок, совершенных вдовами-горожанками в XVI–XVIII вв. (по материалам актовых книг Могилевского магистрата).

Подобное положение наблюдалось в XVI–XVIII вв. на всей территории Речи Посполитой, в том числе и на землях Королевства Польского [18, с. 49].

Исследование актовых книг содержит весьма скудные сведения о положении вдовца. Это обусловлено тем, что данный социальный статус никоим образом не изменял положение мужчины в обществе. Супруг не имел права претендовать на приданое своей усопшей супруги, которое возвращалось в ее семью: «Учтивы Андрей Похобович чинил оповедане и светчене на учтивога Андрея Антоновича, штож дей дал есьми был за него в стан светы малженски дочку свою, по которой дал есми сукъню порпуриянову, чорную корову, изголовье и перину, скриню, ино з Божого допусчєня сєго света сошла, а маєтность она при нимъ се остала, которая яко спадок на мене приходитъ, а он оддати не хочеть...» [4, с. 15–16]. Подобная ситуация имела место даже в том случае, если после смерти матери на попечении отца оставались несовершеннолетние дочери: «Иж дочки мое Химы в жыводе не стало, тогды зъ зятємъ своимъ Фенкомъ погодилисе, иж он, зят мой, дитя Марьюшу, которое з небожчыцю сплодил и тую до себе узял яко властное дитя, а тое унесене до кур моих отдал, а вжо от него взявши, с тое унесєня волным чыню; а иж самъ естем при старости, тогды з рук своих дал сыну своему Антону Пашковичу, которое унесене маєт быт ховано до взросту лет тог(о) дитяти...» [4, с. 554]. Как видим, приданое усопшей супруги находилось в руках ее брата до совершеннолетия дочери женщины. В то же время любое другое имущество, оставленное супругой, находилось исключительно под «властью» ее мужа: «Протестовал пан Родион Хомич мещанин у купец моголевский, своим и дочерей своих ещє лет не дорослых, Анны и Устиньи, по смерти небоицицы малжонки протестатора позосталых серот именем. Проттив пани Федоры Ивановны Бироевой, сына ее Хафона Ивановича Биречива, и дочерей ее Ксєньи Тимофеевой Поховкиной и Агафьи Авсєевоы <...> о то <...> что они принебрегая правом магдебурским <...> каким-то образом став над протестатором и его дочерьми опеку-

нами <...> своевольно в доме протестанта всякую убогую его собственность побрали <...> и по сей час отдать не хотят...» [14, л. 512–512 об.].

В XVI–XVIII вв. период вдовства редко длился достаточно продолжительное время. Многие вдовы и вдовцы вступали в новый брачный союз: *«Ивашько Васковичъ Дробышевичъ, мещанинъ Могилевски, жаловал на невестьку свою Котушу о томъ, штож дей она по смерти брата моего Юшка, которы умеръ на дорозе <...> будучи вжо хори, волю свою остаточную на тестаменте описал, што се вжо водлугъ опису на ономъ тестаменте все выполнилося, нижли што были дети небожиковские недо-рослые осталы, тогда я для тых детей учинилемъ былъ постановенъе з невестькою, же ей волно было мешкать при детяхъ в ономъ дому брата моего до летъ зуполных детинныхъ; нижли теперь дети небожика брата моего померли, а она за иншого мужа пошла и тотъ домъ у своемъ держанью и теперь мает, которого мне, яко близкосту по брате моемъ, поступити не хочетъ»* [4, с. 77]. По подсчетам автора, на долю таких семей приходится 10,7% от общего числа супружеских пар, установленных в 1643–1651 гг. [1, Приложение А, л. 4–20].

Заклучение

Изучение актовых книг Могилевского магистрата позволило сделать следующие выводы:

1. В XVI–XVIII вв. в городах Беларуси наблюдается значительное количество людей, семейные узы которых распались в результате смерти одного из супругов.
2. Изменение социального статуса мужчины практически никак не отразилось на его общественном положении. Единственное изменение в его жизни, связанное с приобретением статуса вдовца, было извлечение приданого его усопшей супруги из бюджета «семьи».
3. Женщина-вдова становилась более независимой в своих действиях, хотя по-прежнему над ней сохранялась формальная опека со стороны мужчины.

Вдовство в рассматриваемое время было непродолжительным. Овдовевшие горожане в скором времени вступали в повторный брак.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алексейчикова, Н.Н. Матримониальность белорусских горожан магдебургской юрисдикции в XVI–XVIII вв. : дис... канд. ист. наук: 07.00.02 / Н.Н. Алексейчикова. – Могилев, 2009. – 305 л.
2. Алексейчикова, Н.Н. Под «опекой» мужчин, или положение горожанки в XVI – XVII вв. (по материалам актовых книг Могилевского магистрата) / Н.Н. Алексейчикова // Гістарычнае і сацыякультурнае развіццё Магілёва : сб. навук. прац. / Уклад. І.А. Пушкін, В.В. Юдзін. – Магілёў : Могилев. обл. укрп. тип., 2007. – 368 с. – С. 21–25.
3. Алексейчикова, Н.Н. Экономическая активность горожанок в XVI–XVIII вв. (на примере Могилева) / Н.Н. Алексейчикова // «III Машеровские чтения» : матер. республиканск. науч.-практ. конф. Витебск, 24–25 марта 2009 г.; / УО «ВГУ им. П.М. Машерова»; под. ред. А.Л. Гладкова [и др.]. – Витебск, 2009. – С. 14–16.
4. Акты издаваемые Виленскою комиссією для разбора древних актов : в 39 т. – Вильна : Типограф. Губ. правл., 1865–1915. – Т. 39: Акты Могилевского магистрата XVI в. (1578–1580). – 1915. – 664 с.
5. Бардах, Ю. Штудыі з гісторыі Вялікага княства Літоўскага / Ю. Бардах – Мінск : ТАА «Типографія ПОЛІТМАГ», 2002. – 459 с.
6. Вялікае княства Літоўскае: энцыкл. : У 2-х т. / пад рэд. Г.П. Пашкова [і інш.]. – Мінск : Бел. энцыкл., 2005–2006. – Т. 1: А – К / пад рэд. Г.П. Пашкова [і інш.]. – 2005. – 688 с.

7. Грицкевич, В.П. С факелом Гиппократ В.П. Грицкевич. – Минск Наука и техника, 1987. – 271 с.
8. Дзёрбіна, Г. Права і сям'я ў Беларусі эпохі Рэнесансу / Г. Дзёрбіна. – Мінск : Тэхналогія, 1997. – 175 с.
9. Историко-юридические материалы : в 32 т. / под ред. Созонова [и др.]. – Витебскъ : Тип. Губ. правл., 1871–1906. – Вып. 6 : Приходо-расходная книга г. Могилева 1689 г. Акты, извлеч. из книг Полоц. магистрата за 1676–1771 гг. / под ред. Созонова. – 1975. – 409 с.
10. ИЮМ : в 32 т. / под ред. Созонова [и др.]. – Витебскъ, тип. Губ. правл., 1871–1906. – Вып. 9 : Приходо-расходная книга г. Могилева за 1692 г. Акты, извлеч. из книг Могилев. магистрата за 1635–1646 гг. / под ред. Созонова. – 1878. – 546 с.
11. ИЮМ : в 32 т. / под ред. Созонова [и др.]. – Витебскъ : Тип. Губ. правл., 1871 – 1906. – Вып. 30 : Акты, извлеч. исключительно из книг бывших присутственных мест Могилев. губ. за 1592–1796 гг. / под ред. Д.И. Довгялло.– 1903. – 360, 164 с.
12. Марзалюк, І.А. Людзі даўняй Беларусі : этнаканфесійныя і сацыякультурныя стэрэатыпы (X–XVII стст.) / І.А. Марзалюк. – Магілёў : МДУ імя А.А. Куляшова, 2003. – 324 с.
13. Марзалюк, І.А. Магілёў у XII–XVIII стагоддзях: людзі і рэчы / І.А. Марзалюк. – Мінск : Веды, 1998. – 260 с.
14. НИАБ. – Фонд 1817. – Оп. 1. – Д. 39: Актовая книга могилевского магистрата: 1 января 1702 г. – 30 декабря 1702 г. – 749 л.
15. НИАБ. – Фонд 1817. – Оп. 1. – Д. 40: Актовая книга могилевского магистрата: 3 января 1703 г. – 31 декабря 1706 г. – 767.
16. Юхо, І. Крыніцы беларуска-літоўскага права / І. Юхо.– Мінск : Беларусь, 1991. – 238 с.
17. Baronas, D. Choroby i epidemie. / D. Baronas // Kultura Wielkiego Księstwa Litewskiego: analizy i obrazy / oprac. V. Ališauskas, [i in.] / przekład P. Bukowiec, B. Kałęba, B. Piasecka. – Kraków : Towarzystwo Autorów i Wydawców Naukowych Universitas, 2006. – P. 131 – 143. (159)
18. Bogucka, M. Białogłowa w dawnej Polsce: Kobieta w społeczeństwie polskim XVI–XVIII wieku na tle porównawczym. / M. Bogucka. – Warszawa : Wydaw. «Trio», 1997. – 252 s.
19. Groicki B. Obrona sierot i wdów / B. Groicki. – Warszawa: Wydaw. Prawnicze, 1958. – 345 s. (180)
20. Morzy, J. Kryzys demograficzny na Litwie i Białorusi w drugiej połowie XVII w. / J. Marzy. – Poznań : UAM, 1965. – 405 s.

Alekseychikova N.N. The widowhood in Belarusian's towns in the XVI–XVIII centuries (to information's of assembly books of Mogilev's council)

The article consecrate of widowhood in Belarusian's towns in the XVI–XVIII centuries. When townsman and townswomen got status of widower (widow), they received a new rights and duties. Family and social positions of widow was very different from position of widower in the XVI–XVIII centuries in Belarusian's towns. The author showed this difference in the article. There is a description of economic activity of widow showed in the article. Author gave description of some of demographic aspects in this article. So author analyzed of information's of assembly books of Mogilev's council and he ascertained how mach widowhood was in Belarusian's towns in the XVI–XVIII centuries.

Рукапіс паступіў у рэдкалегію 02.12.2009